

Е. В. ПЕТРОВ

Нижневартровский педагогический институт

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ
В АВСТРИЙСКОМ ГЕРЦОГСТВЕ
(по материалам австрийской историографии)**

История средневековой Австрии почти не привлекала внимания отечественных историков. Среди работ, посвященных данной теме, следует назвать, в первую очередь, работу П. Митрофанова «История Австрии», вышедшую в 1910 г.¹ В ней автор излагает историю Австрии с римского времени. «История Австрии при Бабенбергах не представляет собою ничего оригинального, выдающегося... Это история целого поколения феодальных владетелей, каких много было в ту пору, не особенно талантливых, но экономных, упорных, трудолюбивых, храбрых... умевших всегда приспособиться к обстоятельствам и к данному времени»². Автор в популярной форме излагает историю правления Отакара II Пшемысла в Австрии, дает краткие сведения о Земском праве 1237 г., но не упоминает о Земском праве 1266 г., раскрывает происхождение Габсбургов, коротко освещает политику первых Габсбургов в княжестве. В целом его работа посвящена политическим событиям австрийской истории, о социально-экономическом развитии он практически не говорит, о городах упоминает бегло.

Следующей крупной работой по истории Австрии можно назвать работу М. А. Полтавского «История Австрии. Пути государственного и национального развития (с древнейших времен до 1918 г.)»³. В ней автор главное внимание уделяет новой и новейшей истории Австрии. Касаясь средневекового периода, М. А. Полтавский наряду с изложением политических событий значительное внимание уделяет социально-экономическому аспекту австрийской истории, кратко указав на формы феодальной эксплуатации крестьянства, показывает процесс возникновения и роста городов, указывает на начало развития капиталистического уклада в горном деле Австрийского княжества в XIV в.

Работы указанных авторов касаются средневекового периода в истории Австрии очень кратко. В этом отношении отличаются работы видного отечественного медиевиста-германиста Н. Ф. Колесницкого⁴. В своих работах, посвященных истории средневековой Германии, он рассматривает проблемы, связанные с ее распадом, с началом и развитием процесса территориальных княжеств в Германии в целом. В этой связи он касается формирования территориально-княжеской власти в Австрийском герцогстве.

Евгений Васильевич Петров, доктор ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Нижневартовского ГПИ, медиевист, специалист по истории Австрии, автор монографий, учебных пособий, хрестоматий по медиевистике.

¹ Митрофанов П. История Австрии (с древнейших времен до 1792 г.). М., 1910.

² Там же. С. 19.

³ Полтавский М. А. История Австрии: Пути государственного и национального развития (с древнейших времен до 1918 г.). М., 1992. Ч. I-II.

⁴ Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство. М., 1967; Он же. Особенности вассально-ленных отношений в Германии в X-XIII вв. // Средние века. М., 1969. Вып. 32.

В целом можно сказать, что проблема формирования территориально-княжеской власти в Австрии в отечественной историографии остается не раскрытой. А это является важным как с точки зрения рассмотрения процесса формирования территориальной власти в Германии на конкретном примере австрийского княжества, так и с точки зрения истории Австрии в целом. Отдельные вопросы формирования территориальной власти в других княжествах средневековой Германии уже затронуты в трудах отечественных историков. В частности, можно назвать статью В. Н. Бодрухина, посвященную церковной политике бранденбургских маркграфов в XII–XIII вв.⁵ Следует также отметить работу Т. Н. Таценко «Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV–первой половине XVI вв.»⁶. Автор показывает основные закономерности процесса формирования органов управления территориальных княжеств в Германии в целом, но относительно Саксонского курфюршества рассматривает период, когда территориальная власть уже сформировалась. Сам процесс ее формирования в предшествующий период автором не рассматривается.

В целом можно отметить, что, несмотря на некоторые успехи отечественной медиевистики в изучении процесса формирования территориальной власти в германских княжествах, отсутствует комплексный труд, посвященный данной проблеме.

В австрийской историографии проблема формирования территориальной власти неразрывно связана с проблемами возникновения и развития Австрийского государства. Одним из вопросов, дискуссионных до настоящего времени, является вопрос о причинах возникновения территориальной власти в средневековой Германии в общем и Австрии в частности. Г. Бруннер в середине XIX в. представлял Австрию как особый случай раннего образования территории и территориальной власти⁷. Он исходил из полной, имеющейся у маркграфа, высшей юрисдикции и исключительных прав освобождения от нее, которые по Саксонскому зеркалу король отказал маркграфам. Австрия объединила конституционно-исторические права марки и нового герцогства, была «марковым герцогством». Маркграф-герцог уже в XII в. был высшим фогтом над всеми церковными владениями, все банны, связанные с высшей юрисдикцией, исходили от них. Австрия была примером для учения Г. Белова, согласно которому высшая юрисдикция была источником для земского и территориального верховенства. Если указывать на другие корни этого образования (ленные права, военное и налоговое верховенство, низшая юрисдикция, фогтские права, внутренняя колонизация), которые называют А. Допш⁸, А. Дунгерн⁹, Е. Клебел¹⁰, то везде

⁵ Бодрухин В. Н. Церковная политика Бранденбургских маркграфов в XII–XIII вв. // Проблемы германской истории. Ижевск, 1989.

⁶ Таценко Т. Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV–первой половине XVI вв. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990.

⁷ Mayer T. Das österreichische Privilegium Minus // Mitteilungen des oberösterreichischen Landesarchivs. Wien, 1957. Bd. 5. S. 9.

⁸ Dopsch A. Die Bedeutung Herzog Albrechts I. von Habsburg für die Ausbildung der Landeshoheit in Österreich // Zeitschrift für Landeskunde von Niederösterreich. Wien, 1893. Bd. 27; Eadem. Die staatsrechtliche Stellung der Ministerialen in Österreich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1923. Bd. 39; Die Ständegemacht in Österreich zur Zeit Friedrichs der Schönen // Op. cit. Bd. 52.

⁹ Dungere A. Die Entstehung der Landeshoheit in Österreich. München, 1910.

¹⁰ Klebel E. Zur Rechts- und Verfassungsgeschichte des alten Niederösterreich // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Wien, 1943. Bd. 28; Eadem. Siedlungsgeschichte des deutschen Südostens // Veröffentlichungen des Südost-Instituts München. München, 1940. Bd. 43.

на первый план выдвигается раннее образование земского верховенства в Австрии. Другой точки зрения придерживается О. Штовассер¹¹. Он указывает, что в марке были графства и округа высшей юрисдикции с собственными верховными правами, которые сохранили свое положение после преобразования марки в герцогство вплоть до конца средневековья, что ленная власть князя на австрийских территориях была не единственной. Даже если эти образования были объединены с герцогством в личный союз, их особое положение оставалось неизменным до нового времени. Тесный хозяйственный и управленческий округ герцога вместе с этими верховными областями образовывали землю (Land); она покрывалась совокупностью герцогских служб. Если все эти верховные области входили в состав герцогства, то земская верховная власть (Landeshoheit), по меньшей мере теоретически, уже готова. Для Австрии характерно такое же развитие, как и для других немецких земель.

По мнению Г. Белова, современное государство в Германии возникло не в рамках империи, а на основе территорий. Эти «территории» немецкая конституционная история знает с конца XII в. Тогда появляются *princeps terrae, dominus terrae, Landesherr, Landesherrschaft, Landeshoheit* — это то, что конституирует территорию¹². Власть земского господина (Landesherr), первоначально комплекс различных видов объединенных в руках господина прав, становится постепенно единством, земский господин примерно с XV в. образует верховную власть, которая через территорию в XVI в. трансформируется в «территориальное государство». Правовыми предпосылками к образованию земской власти обладают владельцы «графских прав». Но для таких фактических образований необходимо еще нечто другое, а именно «власть» (Macht). Комплекс герцогских, графских, ленно-правовых, иммунитетных, поземельных и фогтских прав и переходящие к ним королевские регалии образуют всеобщее понятие государственной власти¹³.

Этот вопрос связан с вопросом о том, когда этот комплекс отдельных прав трансформировался в единую государственную власть. Для Г. Фера правовое положение земских князей до конца XIII в. остается неизвестным. «Никакой правовой закон не описывает границ их полномочий, ни внутренних, ни внешних. Никакой человек не знал, где прекращается право и начинается грубый произвол». Впервые единое территориальное право, *jus territoriale*, создал Вестфальский мир¹⁴.

К. Шверин также стремился сформулировать первое понятие *ius territoriale* Вестфальского мира в качестве единой территориальной государственной власти. По его мнению, уже в XIII–XV вв. можно признать «единство» княжеской власти, так как подход к этому признанию содержится в обозначении «*dominus, princeps terrae*» XII века¹⁵. Но в основе средневекового права лежат частноправовые представления о государственной власти. Сообразно с этим единая государственная власть — союз ее подданных и ей подчиненная единая область — в принципе существовала с XII в., но юридически не могла быть осознана людьми того времени. Земская власть является современной государственной властью. Несмотря на это, есть «единая государственная власть»,

¹¹ Stowasser O. Das Land und das Herzogtum in Bayern und Österreich. München, 1925; Zur inneren Politik Herzog Albrechts III von Österreich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1926. Bd. 41.

¹² Below G., von. Der Ursprung der Landeshoheit. Territorium und Stadt. München, 1932. S. 1.

¹³ Brunner H. Grundzüge der deutschen Reichsgeschichte. München, 1920. S. 152.

¹⁴ Fehr H. Deutsche Rechtsgeschichte. München, 1925. S. 238.

¹⁵ Schwerin C., von. Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte. München, 1934. S. 173.

которая конституирует единство области, земли. Земля — область власти земского господина; все «Herrschaften» — территории. Но явления территориального государства нельзя включить в схему современного государства. В таком случае понятие «современной государственной власти» становится необъяснимым, и остается только объединенный в руках земского господина комплекс различного рода прав, единство которых равно лежит в личности их носителя. Такой комплекс прав, находившийся в руках господина, в средневековых источниках назывался «Herrschaft», *Dominium*. Но были имперские владения, которые лежали в «земле», а держатели их были земскими людьми («Landleute»). Если территория является областью власти земского господина, то может быть принят термин «территория» для всех форм, которые принимали это образование.

В этой связи возникает вопрос о содержании понятия «земля». В австрийских и в баварских исследованиях учение о возникновении земского верховенства содержится в теории Г. Белова. Только в отношении герцогства Австрия проблема понятия «земля» (*Land*) разрабатывалась О. Дунгерном¹⁶, А. Допшем¹⁷, А. Грундом¹⁸, О. Штовассером¹⁹ К. Лехнером²⁰ и О. Праузнитцем²¹. Согласно их исследованиям, «земля» от «территории» должна отличаться как область земского верховенства.

О. Штовассер в труде «Земля и герцог» исследовал баварско-австрийскую конституционную историю, имея задачу «установить, что в австрийских источниках позднего средневековья обозначают выражения «земля», «герцог» и «земское право»²². Он исходил при этом из правового положения имперских графов Шаунбергских в Верхней Австрии, владения которых в XIV в. перешли к Габсбургам. Штовассер показал, что эти области до XVII в. указывались в источниках как имперские. Если они уже в XV в. не имели политического значения, то остались данные владения все же «около единого права империи» и одновременно являлись «единой» областью управления австрийского герцога: постепенно объединились они «с остальным земством Австрия в территорию»²³. Они располагались в земстве Австрия, но не относились к герцогству. Штовассер приводит также в качестве примера владение Орт в Нижней Австрии, которое графы Шаунберг имели от епископов Регенсбурга в качестве лена до того, как в 1377 г. герцог Леопольд III приобрел его. С тех пор Орт стал владением Габсбургов. Габсбургский

¹⁶ Dungen O., von. Die Entstehung der Landeshoheit in Österreich. Wien, 1910.

¹⁷ Dopsch A. Die Landesherrlichkeit in Österreich: Beiträge zur Sozial und Wirtschaftsgeschichte: Gesammelte Aufsätze. Wien, 1938. S. 224.

¹⁸ Grund A. Die Landeshoheit in Niederösterreich // Mitteilungen des Archivs für österreichische Geschichte. Wien, 1942. Bd. 99. S. 417.

¹⁹ Stowasser O. Das Land und der Herzog in Bayern und Österreich. München, 1925.

²⁰ Lechner K. Grafschaft, Mark und Herzogtum // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreichs. Neue Folge. Wien, 1926/27. Bd. 20. S. 32; Eadem. Geschichte der Besiedlung und öslichenen Herrschaftsverteilung // Heimatbuch des Bezirkes Horn. Wien, 1933. S. 246; Eadem. Siedlungs- und Herrschaftsgeschichte des Waldviertel. Wien, 1937. S. 3.

²¹ Prausnitz O. Feuda extra curtem. Mit besonderer Berücksichtigung der Branderburgischen Lehen in Österreich. Wien, 1929; Lechner K. Zur Geschichte und Bedeutung der Branderburgischen Lehen in Österreich // Jahrbuch des Landeskunde von Niederösterreich. Wien, 1931. Bd. 24. S. 259.

²² Stowasser O. Land und Herzog. S. 7.

²³ Stowasser O. Land und Herzog. S. 7. В современной австрийской историографии превалирует мнение, что имперская зависимость Шаунбергов была фиктивной. См.: Hoffmann A. Österreich und das Land ob der Enns. München, 1981. S. 136.

Орт до конца XVIII в. оставался ленным владением от епископов Регенсбурга. Но эти лены относились к герцогству. Желая определить, что такое земля, герцогство, обращает он главное внимание все-таки на «территорию» как на область с собственной правящей династией, на вопрос, как завершилось складывание этого территориального государства, когда оно было завершено (в XVI в. или даже в XVIII в.), или марка уже с самого начала существовала в «единой области управления». Он отделяет «собственную область управления» герцога от «всей совокупности его герцогской службы», земскому праву которого были подчинены другие локальные образования²⁴. Штовассер противопоставляет понятие «земля» в смысле родовой области и «герцогство» в качестве узкой «области земского верховенства» с присущими ей императорскими анклавными, устанавливает, что австрийское земское право действовало в сфере компетенции австрийской земской службы, но что в этой совокупности лежали территории, другие «территориальные образования», т. е. графства²⁵. Соответственно этому Штовассер говорит о шаунбергской территории²⁶. Втягивание этой маленькой территории в территорию герцогства является идентичным со становлением земской власти²⁷. Он употребляет понятие земской власти в смысле внешнего включения ранее не подчинявшихся областей. При этом он указывает, что Австрия сначала относилась к «земле» Бавария, области службы баварского герцога, что владетели Австрии были обязаны герцогу Баварии посещением гофтага. Герцог в качестве обладателя верховной власти в «земле» являлся хранителем мира, он распоряжается вследствие этого правом военного бана и верховной юрисдикцией. Епископы и аббаты, которые относятся к «земле», имеют свою службу от короля, как и сам герцог, но это не исключает принадлежность к «земле».

Картина, которую дает Штовассер, следующая: герцог владеет «единой областью управления», в которой он использует высшую юрисдикцию над всеми сословиями, включая *poobiles*. За пределами этой единой области управления лежат «графства» (*comitates*), *princes terrae* которых сами имеют юрисдикцию, прежде всего в отношении собственности. Они обладают территориальными образованиями, которые лежат в «совокупности герцогства», в «земле» они подчиняются земскому праву, которое в XIII в. называется в их понимании земским правом графов и графств. Единым округом управления, если говорить об округе высшей юрисдикции, является «*ducatus*», совокупность герцогской службы, которая включает в себя «землю». Штовассеру удалось показать, что князь в земле Австрия давал ленные от империи владения с высшей юрисдикцией, владения с «графскими правами», которые в дальнейшем сохранили особое существование, по меньшей мере, в смысле имперско-ленных прав и обозначались как «*ducatus Austriae et membra praecipua sunt annexa*». Но эти «*membra praecipua*» относились все же к земству²⁸.

О. Штовассер не смог дать определения понятия «земля», он путается в терминологии, когда он отделяет «службу», совокупность герцога как «землю» от «территории», непосредственной области управления. Кроме того, он не смог разделить сферу компетенции служилого права, земского права и «территориального права»²⁹.

²⁴ Stowasser O. Land und Herzog. S. 27.

²⁵ Ibid. S. 27, 75.

²⁶ Ibid. S. 55.

²⁷ Stowasser O. Land und Herzog. S. 77.

²⁸ Monumenta Germaniae Historica. Deutsche Chroniken 5/2. 687.

²⁹ Stowasser O. Land und Herzog. S. 46.

Теорию Штовассера поддержал и существенно изменил К. Лехнер. Он отделяет земско-правовую и служебно-правовую компетенцию от территориально-правовой. Но он отделяет узкий округ, *comitatus*, *marchia* маркграфа от широкой области верховной власти, которую он обозначает как *terra* и *provincia*. Внутри этой широкой области верховной власти были «графства», которые находились в более широкой области верховной власти маркграфов. «*Marchia*» и лежащие за пределами ее графства в 1156 г. были возвышены в герцогство. Эта область есть «*terra*» австрийских земских князей, «земля», совокупность его герцогской власти³⁰. Это соответствует отношениям позднего средневековья, когда земство и область земского мира герцога совпадали и в «земле» также лежали имперские владения. Но от этих земель Лехнер отличает область земского верховенства. Она покрывается областью высшей юрисдикции княжеского суда, той областью, в которой герцог использовал банн высшей юрисдикции или этот банн ссужал. За пределами области княжеского верховенства лежали те владения епископств, графов и свободных, которые использовали высшую юрисдикцию сами или давали его австрийским министралям в лен. Они являются «внетерриториальными» («*exterritorial*»)³¹. Среди последних были такие имперские князья, как герцоги Баварии, графы Герцские, бургграфы Нюрнбергские и маркграфы Бранденбургские. Согласно предложенной здесь теории, земское верховенство должно завершиться, должна возникнуть единая область управления земского князя, когда все эти области были присоединены к области высшей юрисдикции герцога. Но в таком случае возникает вопрос, что эта имперская зависимость означает. В любом случае не то, что эти области не относились к «земле». Они стояли под защитой герцога, подчинялись в земско-правовых делах его судебному верховенству, их господа появлялись на гофтагах и ландтагах, несли земскую и военную службу и уплачивали налоги в пользу земства. Но они имели личную судебную ответственность перед королем. Они стояли в имперских списках, когда объявлялся имперский военный поход и платили налоги в пользу империи, они получали высшую юрисдикцию непосредственно от короля или опосредованно от имперского князя, который не являлся земским господином. Но внутри земства имели они только то преимущество, что их право на высшую юрисдикцию исходило не от земского князя. Поэтому их власть на собственных владениях нельзя считать равнозначной с земским верховенством.

А. Допш считает, что единая сеньориальная княжеская власть существовала в Австрии уже в конце XIII в. Он обосновывает свою точку зрения тем, что имеющие высшую юрисдикцию владения епископов и графов были политически незначительными³². Эти области, которые не подлежали судебной власти Бабенбергов, являлись «экстerrиториальными». Согласно его мнению, здесь можно определить различия между «территорией» и «землей», областью земского верховенства и служило-правовыми полномочиями. А. Допш указал на то, что судебная власть, которую Г. Бруннер хотел вывести из марковой организации, в территории не играла решающей роли³³, в связи с чем он особо отметил фогтские права земских князей, право на защиту владений (*defensio*), которое они использовали за пределами старой марки³⁴. При этом выросли

³⁰ Lechner K. *Grafschaft, Mark und Herzogtum. Beitrag zur Territorial- und Verfassungsgeschichte Österreichs // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich*. Wien, Selbstverlag des Vereines, 1926. Bd. 20/1. S. 39.

³¹ Lechner K. *Grafschaft, Mark und Herzogtum. Beitrag zur Territorial- und Verfassungsgeschichte Österreichs // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich*. Wien, Selbstverlag des Vereines, 1926. Bd. 20/1. S. 39.

³² Dopsch A. *Op.cit.* S. 230.

³³ Dopsch A. *Op.cit.* S. 83.

³⁴ Dopsch A. *Op.cit.* S. 241 f.

претензии на выморочные владения, что признается как существенный фактор в создании земского верховенства. Но на вопрос, что такое «земля», А. Допш не ответил.

Теория, которая считала источником территориальной власти, земского верховенства «графские права», высшую юрисдикцию, опровергнута тем, что в Австрии были округа высшей юрисдикции, которые получали банн на право высшей юрисдикции не от герцога, а опосредованно или непосредственно от империи. Все эти округа высшей юрисдикции лежали в «земле», подчинялись земскому праву и «земско-правовым и служило-правовым» полномочиям герцога и земских господ (Landherren). Все предыдущие авторы, по мнению А. Допша, увидели необходимым разделить «землю» и «территорию», более узкую область единого управления. Юридически земское верховенство сформировалось, когда все лежащие в земстве области включены в территорию, она является главным политическим фактором до тех пор, когда «экстерриториальные» области больше не имеют политического значения³⁵.

О. Бруннер в своей книге «Земля и власть» («Land und Herrschaft») преимущественно на примере нижнеавстрийских источников создал правовое понятие «земли» как понятие равного и единого права, которое образуется в результате политического и правового союза земской общины (Landesgemeinde), представленной крупными землевладельцами (Landherren), и земского господина (Landesherr), причем носителем земского права является земская община. Земля не формируется только князем, а образуется земской общиной. Другими словами, по Бруннеру, страна (земля, территория) образовалась не в результате длительного господства над ней земского князя, а вследствие оформления земского права. Свой тезис О. Бруннер аргументирует тем, что первое упоминание в источниках об австрийском земском праве относится к первой половине XIII в., в то время как статус территориального герцогства Австрия получила ранее, в XII в. Поэтому земское верховенство должно разъясняться сущностью земли, и наоборот, «Land» является предпосылкой для образования территории³⁶. Различия между «землей» и «территорией» нет. Марка является становящимся земством. О. Бруннер при этом преимущественно имеет в виду позднее средневековье (XIII–XIV вв.). Но он совершенно не учитывает такого важного фактора в образовании земства, как создание сначала крупного княжеского землевладения, а затем создание замкнутого земельного комплекса владений. Впрочем, он признает наличие этого фактора при образовании территориальной власти в других земствах³⁷.

Большинство австрийских исследователей не согласились с этой концепцией, справедливо критикуя ее последователей за умаление роли князя в создании территориальной власти. В 50-е гг. в австрийской историографии многие отошли от этой теории, точнее, видоизменили ее. Так, О. Штольц утверждал, что территориальность в Австрии образовалась в XII в. и основным ее признаком наряду с земским правом является наличие территориального князя, который «господствует над всей страной и всем населением»³⁸. По мнению Г. Фихтенау, «земля — это правовой союз, объединяющий все население, но над ним стоит земский князь»³⁹. О. Цаунер считает, что говорить о «земле»

³⁵ Ibid. S. 230.

³⁶ Brunner O. Land und Herrschaft. Wien-Wiesbaden. 1939. S. 237.

³⁷ Ibid. S. 233: Многие земли вообще выросли в новую землю из домена, комплекса объединенных в руках господина ленных округов.

³⁸ Stolz O. Grundriss der österreichischen Verfassungs- und Verwaltungsgeschichte. Innsbruck; Wien, 1951. S. 205.

³⁹ Fichtenau H. Von der Mark zum Herzogtum. Grundlagen und Sinn des «Privilegium minus» für Österreich. Wien, 1958. S. 48.

в отношении Австрии можно лишь со времени Отакара II Пшемисла (середина XII в.); наиболее существенными элементами «земли» является собственный глава территориальной власти, земское право, на основе которого функционируют ландтайдинги (высший судебный орган территориального княжества, объединяющий местную феодальную знать)⁴⁰.

Подобная переоценка теории О. Бруннера делает ее приемлемой, хотя мало оставляет от бруннеровского понятия «земли». По мнению большинства австрийских и немецких историков, князья играли активную роль в укреплении территориальной власти. Земское право сформировалось в процессе образования территориально-княжеской власти в Австрии, а в других странах оно вообще не имело единой основы и даже не являлось единым. Но австрийские исследователи стали объяснять возникновение территориальной власти в Австрии лишь талантливой внутренней и внешней политикой князей, совершенно упуская из виду то, что последние действовали не по своим прихотям и желаниям, а подчиняясь объективным социально-экономическим и политическим условиям. Другими словами, в австрийской историографии появилась тенденция к идеализации деятельности князей, объяснению всех успехов в создании австрийского государства лишь княжеской мудростью и прозорливостью. Наиболее ярко это проявилось в работах Э. Патцельт⁴¹, Ф. Личауера⁴², Г. Балтля⁴³.

В последние годы в австрийской историографии все более обращают внимание на исследование конкретных предпосылок образования территориально-княжеской власти. Историки пытаются выяснить, какие факторы, кроме общего земского права и княжеской юрисдикции, определили возвышение князей. На этот счет выдвигаются различные концепции. М. Велтин повторяет старый тезис, что основой территориальной власти явилось наличие в руках феодальной знати высшей юрисдикции: «... Знатные феодалы использовали широкую юрисдикцию, без этого они не могли бы стать сильными территориальными князьями...»⁴⁴. Вкладом М. Велтина в эту старую юридическую концепцию является утверждение, что феодальная знать стала в дальнейшем служилой знатью маркграфа и использовала юрисдикцию на местах уже от его имени. В духе теории О. Бруннера он считает, что «Австрийская земля» — это правовая общность с единым земским судом, главная задача князя сводилась к сохранению внутреннего мира, и он пытался делать это с помощью местной знати, которая участвовала в собраниях (ландтайдингах) и вместе с ним образовывала эту землю»⁴⁵. Автор прав, говоря о том, что собрания знати играли важную роль в политической жизни княжества, но не объясняет, каким образом Бабенберги в процессе укрепления своей территориальной власти в стране смогли распространить высшую юрисдикцию на крупных феодалов марки и, частично, на их владения. Маловероятно также, чтобы при Бабенбергах феодальная знать уже перешла в служилое сословие. М. Велтин ставит феодальную знать на одну ступень с министриалами, хотя они играли далеко не одинаковую роль в данный период в политической жизни страны. В частности, княжеские министриалы еще не имели доступа в ландтайдинги. Кроме того, крупнейшим феодальным собственником в стране, помимо Бабенбергов,

⁴⁰ Zauner A. Die territoriale Entwicklung Oberösterreichs unter den Babenbergern // Die Babenbergerforschungen. Wien, 1954. S. 113.

⁴¹ Patzelt E. Österreich bis zum Ausgang der Babenbergerzeit. Wien, 1974.

⁴² Litschauer F. Österreichische Geschichte. Wien, 1965.

⁴³ Baltl H. Österreichische Rechtsgeschichte. Graz, 1970.

⁴⁴ Weltin M. Zur Entstehung der niederösterreichischen Landgerichte // Die Babenbergerforschungen. Wien, 1976. S. 171.

⁴⁵ Ibid. S. 295.

было епископство Пассау, которое на основании иммунитетных привилегий оставалось вне компетенции высшей юрисдикции маркграфа и, в свою очередь, распоряжалось таковой в отношении зависимого и крепостного крестьянства, проживавшего в его владениях.

В отличие от М. Велгина К. Гуткас и Г. Динст склонны видеть предпосылки формирования территориально-княжеской власти в Австрии в постоянной верности маркграфов центральной имперской власти, в результате чего, по их мнению, захваченные во внешних войнах в этой области земли переходили в их руки⁴⁶. Авторы правы в том, что крупное феодальное землевладение явилось основой будущего территориального могущества Бабенбергов. Но объяснение причин королевских дарений в их пользу, на наш взгляд, не учитывает всей сложности внутривластной ситуации в Германии. Верность маркграфов (она была следствием широких королевских дарений) использовалась императорами в борьбе с могущественными герцогами, в частности, с баварским герцогом за укрепление центральной власти в Германии. В этой борьбе маркграфы Австрийской марки были естественным союзником императоров в противовес сильной Баварии.

Следует отметить, что попытки отказаться от «монокаузального» объяснения происхождения территориально-княжеской власти в Австрии были предприняты в австрийской историографии еще на рубеже XIX–XX вв. М. Ванкса объяснял это наследственностью маркграфского титула в доме Бабенбергов, наличием в руках маркграфа высшей юрисдикции, значительными земельными владениями Бабенбергов, а также колонизационной деятельностью в марке⁴⁷. Лушин фон Эбенрот добавлял к этому близкие родственные связи Бабенбергов с королевскими династиями Салиев и Штауфенов⁴⁸. Как видим, современная австрийская историография в решении данного вопроса в известной степени возвращается к результатам исследования начала века.

По-иному подходит к проблеме происхождения территориальной власти и формирования австрийской государственности известный современный австрийский медиевист К. Лехнер. Он считает, что при изучении данной проблемы нужно отдавать предпочтение не столько юридическим дефинициям (что характерно для большинства австрийских исследователей), сколько анализу конкретной исторической действительности⁴⁹. В этом с автором трудно не согласиться. К. Лехнер датирует начало формирования территориальной власти в Австрии XII в. В этой связи он указывает на большое значение выданной Фридрихом I Барбароссой учредительной грамоты для Австрийского герцогства — «Privilegium minus», которая способствовала раннему оформлению территориальной власти князя. В отличие от других австрийских медиевистов К. Лехнер пытается объяснить развитие этого процесса не одним, а несколькими факторами, такими, как графские и фогтские права, высшая и низшая юрисдикция, вотчинная власть над собственными владениями, лены, полученные герцогом из имперских, королевских и церковных земель, лесной банн, власть над городами и рынками, разные регалии, покровительство и охрана мира. Все эти права, будучи сосредоточены в одних руках, создавали замкнутую сферу господства. Вместе с тем шел процесс оформления «земли» как

⁴⁶ Gutkas K. Geschichte des Landes Niederösterreich. St. Pölten, 1957. S. 24; Dienst H. Die Dynastie der Babenberger // Das babenbergische Österreich (976-1276). Wien, 1978. S. 70.

⁴⁷ Vancsa M. Geschichte Nieder- und Oberösterreichs. Wien, 1966. Bd. I. S. 238.

⁴⁸ Ebengreuth L., von. Handbuch der österreichischen Reichsgeschichte und des öffentlichen Rechts. Bamberg, 1914. Bd. I. S. 108.

⁴⁹ Lechner K. Die Bildung des Territoriums und die Durchsetzung in Raum des östlichen Österreich // Die deutsche Territorialstaat in 14. Jahrhundert. München, 1971. S. 462.

области действия единого права, общего земского мира. «Земля» становилась государственным образованием. Последний тезис, как видим, соответствует теории О. Бруннера, но К. Лехнер не считает его изначальным, как О. Бруннер. В целом К. Лехнер ушел значительно дальше других австрийских историков в объяснении предпосылок развития государственности в Австрии.

Среди работ, посвященных формированию территориальной власти в австрийском княжестве в XIII–XIV вв., в первую очередь следует назвать фундаментальное исследование М. Ванксы «История Нижней и Верхней Австрии»⁵⁰. Автор с широким привлечением источников раскрывает историю Австрии периода средневековья, показывает особенности процесса формирования территориальной власти в австрийском княжестве по сравнению с другими германскими княжествами, раскрывает сам процесс его развития. К минусам его работы следует отнести недостаточное внимание к социально-экономическому аспекту данной проблемы, а также лишь беглое упоминание о переходе от феодального ополчения к наемной армии. История австрийской церкви в период средневековья представлена в труде Г. Србика «Отношения государства и церкви во время средневековья»⁵¹. Труд построен на использовании источников, привлекает обилием фактического материала. Автор рассматривает княжескую политику по отношению к местной церкви, выразившуюся в стремлении создать австрийское епископство, расширении княжеской юрисдикции на духовные владения, распространении налогообложения на духовенство и т. д. Развитию средневековых городов Австрии посвящены исследования Г. Планитца⁵². П. Фельдбауер рассматривает вопросы, связанные с формированием господского и рыцарского сословий⁵³.

Особенно следует отметить работу А. Лушина «Австрийская государственная история»⁵⁴. Автор рассматривает практически все аспекты, связанные с историей средневековой Австрии: управление княжеством, военную организацию, организацию финансового управления, княжеские доходы, взаимоотношения княжеской власти и церкви, отношения с городами, формирование сословий, хозяйственное развитие Австрии и т. д.

В 70-х гг. в австрийской историографии наметился переход от изучения процесса формирования территориальной власти в Австрии в X–XII вв. к его более глубокому изучению периода XIII–XIV вв. В ранней историографии была распространена точка зрения, согласно которой крупные территориальные княжества Германии, в том числе и Австрия, представляли в это время вполне оформленные замкнутые, территориально сплоченные образования⁵⁵. Можно согласиться с мнением немецких историков, что начало образования княжеских территорий относится ко второй половине XI в. — времени борьбы за инвеституру и непрекращающихся столкновений королевской власти с феодальной знатю. Но это была еще предыстория оформления территориальной

⁵⁰ Vancsa M. Geschichte Nieder- und Oberösterreichs. Wien, 1966. 2 Bde.

⁵¹ Srbik H. Die Beziehungen von Staat und Kirche während des Mittelalters. Innsbruck, 1938.

⁵² Planitz H. Das Wiener Stadtrecht und seine Quellen // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1948. Bd. 56; Eadem. Studien zur Rechtsgeschichte der städtlichen Patriziate // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1952. Bd. 58.

⁵³ Feldbauer P. Herren und Ritter // Herrschaftstruktur und Ständebildung. Beiträge zur Typologie der österreichischen Länder aus ihren mittelalterlichen Grundlagen. Wien, 1973. Bd. I.

⁵⁴ Luschin A. Österreichische Reichsgeschichte. Bamberg, 1914.

⁵⁵ Mayer Th. Der Staat der Herzoge von Zähringer // Fürsten und Staat. Weimar, 1950. S. 351.

власти. Племенные герцогства и крупные вотчинные владения были территориально неустойчивы; они дробились на части и нередко становились добычей других могущественных семейств или короля в результате династических неурядиц или как выморочное владение. Еще не созрели условия для концентрации политической власти и ее организации на территориальной основе. Такие условия появились с конца XII в. вследствие мобильности сельского и городского населения, что позволило организовать судебно-административное господство в более или менее широких территориальных масштабах.

Процесс консолидации территориальной власти происходил медленно и крайне неравномерно в противоборстве противостоящих сил. Князьям приходилось преодолевать сопротивление короля и устранять соперников, обладавших разнообразными по юридическому титулу собственническими и верховными правами на оспариваемой территории. Эта борьба, в которой решался вопрос, кто останется верховным владельцем в данной области или в данном узком районе, затянулась на столетия. Территориальное княжество XIII–XIV вв. отнюдь не представляло единого замкнутого комплекса, а складывалось из отдельных разрозненных владений, местами более или менее компактных, над которыми простиралась верховная юрисдикция земского князя⁵⁶.

По мнению К. Лехнера, Австрия еще в XIV в. была далеко не едина, хотя, согласно выданной в 1156 г. «Privilegium minus» Фридриха I Барбароссы, герцог ставился в прямую имперскую зависимость и наделялся всеми верховными правами на данной территории, и прежде всего высшей юрисдикцией. Но на деле герцог не был единственным обладателем высшей судебно-административной власти. Еще в XIV в. на австрийской территории сохранялись многочисленные имперские и аллодиальные владения (графства), обладавшие высшей юрисдикцией. К тому же значительная часть земских судов находилась не в непосредственном подчинении герцога, а только под его верховной апелляционной властью. В Австрии, кроме непосредственно имперских ленов, были еще лены других князей — бранденбургского маркграфа, баварского герцога, бамбергского епископа, правда, в большинстве случаев они были инфеодированы австрийским феодалом. Некоторые из этих ленов перешли окончательно к габсбургской монархии только в XVIII в.⁵⁷ В XIV в. на территории Восточной Австрии герцогу принадлежало только 17 городов и 4 рынка, в то время как феодальным сеньорам — 20 городов и 220 рынков. К. Лехнер считает, что процесс оформления австрийской территории завершился в основных чертах не ранее середины XV в., и связывает его с созданием общего права «земли» и четырехсословного представительства⁵⁸.

До 70-х гг. в австро-немецкой историографии господствовало мнение, согласно которому в политической и военной организации территориальных княжеств вассально-ленные связи не играли существенной роли и были рано упразднены. «Ленное право как принцип государственной организации изжило себя. Место вассалов заняли оплачиваемые служащие. Там, где ленные отношения сохранялись вплоть до нового времени (имеется в виду имперское устройство), они имели чисто формальный смысл; как реальная государственная сила они перестали существовать уже на рубеже XIV–XV столетий»⁵⁹.

⁵⁶ Колесницкий Н. Ф. Проблема возникновения территориальной власти в немецкой буржуазной историографии // Средние века. М., 1977. Вып. 41. С. 345.

⁵⁷ Lechner K. Die Bildung des Territoriums und die Durchsetzung des Territorialhoheit im Raum des östlichen Österreich // Der deutsche Territorialstaat im 14. Jahrhundert / Hrsg. Von H. Patze. München, 1971. Bd. 2. S. 459.

⁵⁸ Ibid. S. 460.

⁵⁹ Mitteis H. Der Staat des Hohen Mittelalters. Weimar, 1962. S. 424.

К. Лехнер пришел к выводу, что ленное право еще и в XIV в. играло значительную роль и было далеко не изжито в территориальном княжестве. Однако в характере ленных связей, в составе ленников и объектов ленных пожалований произошли существенные изменения. Держателями княжеских ленов были не только бароны, рыцари, министерялы, бургманы, но и бюргеры. Объектами ленов служили бурги, деревни, денежные и натуральные чинши, десятина, право патроната, фогтство, разные регалии. В качестве ленов часто фигурировали княжеские заклады, и их раздача определялась не интересами организации управления и военных сил, а фискальными соображениями. В условиях пожалования ленами часто фигурирует выкупная сумма, которую должен был уплатить герцог, чтобы вернуть в свою собственность инвестированный объект. На деле это означало вырождение лена в залог⁶⁰. В австрийском герцогстве Габсбургов заклады практиковались не в меньшей степени, чем в других княжествах, что, однако, не помешало его консолидации. По мнению К. Лехнера, эти заклады имели наряду с отрицательными и положительные результаты — они способствовали мобилизации средств и укреплению герцогской власти⁶¹.

XIII–XIV вв. характеризуются в истории Германии и Австрии появлением и развитием городов, выходом на политическую арену новой силы — сословия горожан. По сравнению с предшествующим периодом австрийская историография значительно большее внимание уделяет социально-экономическому развитию Австрии в данный период. А. Хоффманн рассматривает экономическое развитие Австрии в XIII–XV вв.⁶² Работа представляет большой интерес в качестве одной из первых попыток подобного рода. Исследования средневекового города прежде касались только Вены. Исследование Ю. Хайделинде касается развития провинциального средневекового города Австрии⁶³. Автор традиционно для австрийской историографии рассматривает данную тему с формально-юридической позиции. Он показывает устройство городского управления, функции должностных лиц. Работа К. Лормана раскрывает борьбу австрийских городов в XIV в. за рынки сбыта и за прилегающую сельскую округу⁶⁴. Из данной работы можно сделать вывод, что в данное время в Австрии начали формироваться местные рынки.

Таким образом, в австрийской историографии не решен ряд вопросов, касающихся процесса формирования территориально-княжеской власти. К ним относятся такие ключевые вопросы данной проблемы, как вопрос о предпосылках возникновения территориальной власти в княжестве, о правовом положении земских князей, о степени оформления территориальной власти в Австрии в XIV в., о содержании понятия «земля», о социально-экономических предпосылках формирования территориально-княжеской власти.

SUMMARY

In article of professor Eugeny Petrov is considered the problem of formation of territorial princely authority in medieval Austria, is analyzed the illumination of this problem in the Austrian historiography of 19–20 centuries.

⁶⁰ Lechner K. Die Bildung des Territoriums und die Durchsetzung der Territorialhoheit im Raum des östlichen Österreich. S. 424.

⁶¹ Ibid. S. 422.

⁶² Hoffmann A. Die wirtschaftliche Verhältnisse zu zur Zeit Rudolfs IV // Hoffmann A. Staat und Wirtschaft im Wandel der Zeit. München, 1979.

⁶³ Heidelinde J. Die «Ordnungen» von Freistadt. Studien zur Entwicklung einer landesfürstlichen Stadt // Forschungen zur Geschichte der Städte und Märkte Österreichs. Linz, 1978. Bd. I.

⁶⁴ Lohrman K. Die spätmittelalterlichen Städte Österreichs als Konkurriende Zentralorte // Österreichs Städte und Märkte in ihren Geschichte. Wien, 1985.